

УДК 903'1

А.И. Лебединцев

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия
E-mail: archaeol@neisri.magadan.ru*

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВНИХ ПРИМОРСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Исследование приморских культур Севера Дальнего Востока является одной из важнейших тем в тихоокеанской археологии. Особенно важными представляются проблема их происхождения и этнокультурные контакты в этом регионе. В результате археологических работ на Чукотке, Камчатке и Северном Приохотье получены значительные материалы по приморским культурам. Однако установление их генезиса осложнено неравномерностью археологического обследования территорий и недостаточной изученностью самих культур, отсутствием более ранних памятников или же каких-либо элементов преемственности, многокомпонентностью и многолинейностью процессов развития.

Эскимосская проблема все еще далека от разрешения. Большинство исследователей считает, что центр формирования популяции эскимосов находился на Юго-Западной Аляске, откуда во II тыс. до н.э. могло начаться движение в сторону Берингова пролива [Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982]. Палеоэскимосский период представлен пока только временной сезонной стоянкой на о-ве Врангеля, датируемой концом II тыс. до н.э. – началом I тыс. до н.э. [Диков, 1979; Теин, 1983]. Здесь найдены кости моржа, лахтака, нерпы и белого медведя. Значительное количество костей принадлежало белому гусю, на основе чего участники экспедиции 2000 г. сделали вывод, что основным занятием обитателей стоянки была охота на гуся [Герасимов и др., 2002]. Однако наличие малого количества костей морских млекопитающих, возможно, объясняется тем, что врангельские охотники использовали их в качестве топлива [Теин, 1979]. Предположительно охотничий лагерь существовал в летнее время (июль – август). Остается открытым вопрос истоков этой палеоэскимосской стоянки. Предпола-

гают, что врангельские охотники могли прийти через Берингов пролив с Аляски [Питулько, 2001]. Гипотеза о принадлежности стоянки Чертов Овраг на о-ве Врангеля к культуре древних китобоев с Аляски требует более веских доказательств [Герасимов и др., 2002].

С конца I тыс. до н.э. в Берингоморье развиваются неозскимосские культуры, которые имели различную локализацию и иногда сосуществовали [Арутюнов, Сергеев, 1975; Диков, 1979]. Гипотеза о том, что “древнеберингоморье, бирнирк и пунук” являются традициями одной “древнеэскимосской культуры Чукотки” [Днепровский, 2001], не обоснована и противоречит материалам многих исследователей [Руденко, 1947; Арутюнов, Сергеев, 1969, 1975; Диков, 1974, 1977, 1979; История Чукотки..., 1989; Гусев, 1999]. Вернее всего, все эти неозскимосские культуры относятся к традиции Туле. Каких-либо связей их с более древним населением Чукотки не прослеживается [Гусев, 2001]. В то же время Берингоморье являлось наиболее мощным центром морского зверобойного промысла, который оказывал определенное влияние на развитие гарпунного комплекса окружающих культур.

Лахтинская культура Северо-Западного Берингоморья датируется А.А. Ореховым [1987] серединой II тыс. до н.э. – XVII в. Несколько в стороне находятся две самые ранние даты: $3\ 340 \pm 100$ л.н. (МАГ-407) по утло из печи Лахтина II и $3\ 300 \pm 140$ л.н. (МАГ-405) для нижнего горизонта жертвенника на поселении Орианда II.

В районе лагуны Лахтина выявлены несколько стоянок. Лахтина I оказалась разрушенной и имеет смешанный материал [Там же, с. 100]. Нахождение призматического нуклеуса и ножевидных пластин

в подъемном материале не исключает того, что эти предметы более раннего времени и ошибочно отнесены к лахтинской культуре. Распространяя пластинчатую технику на весь ранний период существования лахтинской культуры (до середины I тыс. до н.э.), А.А. Орехов выделяет в ее составе “прелахтинскую культуру” [Орехов, 2001б, с. 23], что в переводе на русский язык означает “долахтинская” (от лат. *prae* – перед, впереди), и еще более запутывает предложенную ранее им самим периодизацию для лахтинской культуры (неолитические памятники с пластинчатой техникой, без керамики – II тыс. до н.э.; неолитические памятники без пластинчатой техники, с керамикой – первая половина I тыс. до н.э.; стоянки периода палеометалла – III в. до н.э. – XVII – XVIII вв. [Орехов, 1987, с. 116 – 117]). При этом А.А. Орехов считает, что культурозначимые своеобразные черты данной культуры не претерпевают изменения со II тыс. до н.э. до XVII в.

Лахтина II расположена в 70 км от Лахтина I. На этом местонахождении обнаружена печь, сооруженная из вертикально поставленных плит, такая же как на более поздних лахтинских поселениях. Рядом с ней найдено тесло трапецевидной формы, сопоставимое с комплексами Орианда I (середина I тыс. до н.э.).

Местонахождения Лахтина III и IV, расположенные рядом с Лахтина II, имеют культурный слой, бедный находками.

Жертвенник Орианда II находился в центре поселения и представлял собой ритуальную площадку с вертикально вкопанной китовой нижней челюстью. Как отмечал А.А. Орехов [Там же, с. 99], жертвенник и поселение возникли и функционировали синхронно. Однако даты, полученные для нижнего горизонта этого жертвенника, оказались более древними, чем те, которые определены по материалам нижних слоев поселений Орианда I и II (не древнее первой половины I тыс. до н.э.). Таким образом, даты, относящиеся ко II тыс. до н.э., вызывают сомнения в их достоверности. Ранние комплексы лахтинской культуры следует датировать первой половиной I тыс. до н.э.

По мнению А.А. Орехова [1987], лахтинская культура восходит к сумнагинской и малтанской мезолитическим и даже к ушковской позднепалеолитической традициям. Это предположение не подтверждается археологическими материалами и маловероятно. Отсутствие неолитических памятников затрудняет выявление генетических истоков лахтинской культуры. А.А. Орехов полагает, что она послужила основой для формирования керекского этноса, и вслед за Н.Н. Диковым [1973] связывает его происхождение с древнейшими протоэскимосоалеутским и протоиттельменским этническими пластами, однако это до сих пор остается только на уровне

предположений. Керек, скорее всего, следует рассматривать как одно из обособленных и своеобразных подразделений северо-восточных палеоазиатских племен, возможно, родственных корякам [Лебединцев, 1998].

Канчаланская культура была выделена Н.Н. Диковым [1971], который определил критерии ее выделения. Стоянки канчаланской культуры принадлежали внутриконтинентальным охотникам, осевшим у моря и имевшим комплексное хозяйство, сочетающее охоту на оленей и морской зверобойный промысел. К ним были отнесены Канчалан, Седьмой Причал, Осиновая Коса. Датировалась канчаланская культура по наличию пунукских элементов VIII – X вв. и связывалась с чукчами. Теперь хронология пунукской культуры укладывается в интервал IX – XIV вв. [Гусев, 2002]. Затем Н.Н. Диков [1979], “отмечая генетическую близость”, добавил к канчаланским памятникам более древние поселения у м. Низкий (первая половина I тыс. н.э.), полагая при этом, что они “обнаруживают определенную историческую взаимосвязь” и в то же время не составляют единую культуру. Объединяющим для этих памятников являлось наличие скребел на галечных отщепах и изделий из моржового клыка [История Чукотки..., 1989]. В то же время стоянка Седьмой Причал отнесена Н.Н. Диковым [1979, с. 225] к пунукской культуре.

Включение А.А. Ореховым [2001б] поселения Русская Кошка I в круг памятников канчаланской культуры еще более усложнило представление о ней. Ранее это поселение считалось этнически смешанным и датировалось второй половиной XVII в. [Орехов, 1989, с. 29]. По мнению В.В. Леонтьева [1983, с. 11], жители Земли Гека (керек) добывали моржей на Русской Кошке. Теперь же это поселение становится опорным памятником для канчаланской культуры. Причем керамика с поселения Русская Кошка I круглодонная, с налипными наружными ушками, хотя встречаются сосуды с уплощенным дном. По мнению И.Ю. Понкратовой [2000], сравнительный анализ керамических комплексов поселений Русская Кошка I и Гека I подтверждают возможность единой культурной принадлежности территориально близких поселений, т.е. не исключено, что Русская Кошка I относится к позднему этапу лахтинской культуры. В то же время, как отмечает А.А. Орехов [2002], для памятников канчаланской культуры характерны керамические сосуды усеченно-конической формы с уплощенным дном. Пунукская круглодонная керамика с ушками, которая встречается на канчаланских памятниках, а также на поселении Гека I воспринимается только как влияние культуры пунук.

Работы, проведенные на стоянках канчаланской культуры (Канчалан, Красненская Коса, Осиновая Коса), а также на других памятниках, отнесенных к этой

культуре А.А. Ореховым (м. Тонкий, бух. Тихая, Красно I), до сих пор не дали ясности, в чем заключается их своеобразие. Стоянки на косах являются мастерскими, где происходил сбор и обработка гальки [История Чукотки..., 1989]. Канчаланское поселение, состоящее из 12 жилищ, было исследовано в 1953 – 1954 гг., но раскопки, по заключению Т.М. Диковой [1964], проведены некачественно. Отсутствуют планы жилищ, не велась фиксация находок, материалы раскопок были переданы в Чукотский краеведческий музей частично.

Как отмечают исследователи, сходство ряда материалов, возможно, объясняется влиянием культуры пунук [Диков, 1979; История Чукотки..., 1989; Орехов, 2001б, 2002]. Появление большого количества скребел на галечных сколах может быть связано с возросшей ролью этих орудий для обработки шкур, что проявляется во многих приморских культурах Севера Дальнего Востока периода палеометалла в начале II тыс. н.э. и особенно характерно для памятников середины II тыс. н.э.

Неопределенным остается этническая принадлежность стоянок, отнесенных к канчаланской культуре. Ссылаясь на антрополога А.А. Зубова, А.А. Орехов [2001б, с. 23] сообщает, что канчаланцы отличались неспециализированностью черт арктической расы, смягченной монголоидностью и грациальностью. Однако череп, обнаруженный в обнажении берегового обрыва рядом с жилищем у м. Низкий, характеризуется, по предварительному определению А.А. Зубова (см.: [Диков, 1979, с. 230]), неспециализированностью монголоидных признаков. Дав описание черепа, антропологи высказали мнение, что в настоящее время слишком рано делать далеко идущие выводы по рассмотренному палеоантропологическому материалу [Зубов, Лебединская, 1985]. Кроме того, не исключено, что этот череп не связан с культурными комплексами стоянки у м. Низкий, т.к. находился в обнажении в переотложенном состоянии.

Согласно заключению А.А. Зубова, исследовавшего антропологические материалы могильника Седьмой Причал, одонтологические признаки свидетельствуют о монголоидном расовом типе населения и о наличии ряда арктических черт. В то же время он отмечал, что недостаток материала, а также неполная дифференцированность арктических особенностей не позволяют провести каких-либо определенных параллелей между изученными сериями и современными группами Арктики и Северо-Восточной Сибири (см.: [Диков, 1977, с. 263]). По-видимому, объединять все археологические памятники в низовьях р. Анадырь и на примыкающем к этому району морском побережье в одну культуру пока преждевременно. Многие стоянки исследованы еще плохо.

Что касается проблемы общих генетических истоков таких разных культур, как лахтинская, канчаланская и тарьинская [Орехов, 2001б], то простого утверждения о их наличии мало. Тарьинские памятники севернее долины р. Камчатки пока не выявлены [Пономаренко, 2000]. Уже то, что тарьинская культура непластинчатая, говорит о различиях в развитии культур этого региона и северных территорий. Канчаланская культура довольно поздняя, не древнее VIII – IX вв., что подтверждается материалом стоянок: скребла на массивных галечных отщепах, наконечники гарпунов “типа туле” и толстостенные керамические сосуды с напечными наружными ушками [История Чукотки..., 1989]. Включение А.А. Ореховым [2001б] стоянки Русская Кошка I в канчаланскую культуру является необоснованным. Объединение собственно канчаланских памятников (Канчалан, Седьмой Причал, Осиновская Коса) с более древними стоянками (м. Низкий, Красно I) неоправданно. Взаимосвязи с поздненеолитическими памятниками не прослеживаются. Следует отметить дискуссионность интерпретации материалов Красно I, которые датируются ранним неолитом, мезолитом и даже плейстоценом [Орехов, 2001а].

В Северном Приохотье наиболее древней приморской культурой является токаревская [Лебединцев, 1990; Lebedintsev, 2000]. Ее нижний хронологический рубеж пока точно не определен. Самая древняя дата – $3\ 540 \pm 60$ (МАГ-554), остальные в пределах VII в. до н.э. – II в. н.э. В формировании токаревской культуры участвовали, вероятно, неолитические культуры Колымы [Слободин, 2001]. Об этом свидетельствуют местонахождения с ножевидными пластинками, которые были обнаружены в устье р. Окса, на р. Дукча, в бух. Гертнера, на п-ове Кони и стоянке Уптар, расположенной в 30 км от побережья [Слободин, 1999]. По всей видимости, бродячие охотники посещали побережье и в более позднее время. Неолитом датируются стоянки с микропластинками в устье р. Кухтуй [Мочанов, 1977; Лебединцев, 1990], в районе Малкачанского залива [Лебединцев, Слободин, Реймерс, 2000], в устье р. Вилига, в заливе Пестрая Дресва и у с. Гижига [Воробей, 1990]. О связях колымских племен с населением Охотского побережья и Камчатки в I тыс. до н.э. свидетельствует черешковидный нож, найденный на стоянке Лев. Хета [Слободин, 2001, рис. 59, 1].

Значительное влияние на формирование токаревской культуры оказывали культуры Приамурья – польцевская [Дервянко, 1976] или талаканская [Древности Буреи, 2000], что особенно отразилось в керамическом производстве, орнаментике, в распространении изделий из металла и копирования их в камне. В конце I тыс. до н.э. племена Приамурья в силу определенных социально-экономических причин начина-

ют распространяться к северу и югу. В III – I вв. до н.э. носители польцевской культуры проникают в северную часть Приморья [Деревянко, 2000, с. 11]. В это же время, вероятно, имело место и движение в северном направлении вдоль Охотского побережья. А.П. Деревянко [1976, с. 275] предполагает, что часть польцевских племен переселяется на север в район Охотского побережья.

По мнению Р.С. Васильевского [2001], в формировании приморских культур Северо-Западного Приохотья могли принимать участие носители культуры раннего железа Приамурья, связанные с памятниками типа Тэбах. Однако это, скорее всего, справедливо для древнекорякской культуры I тыс. н.э., в материалах завьяловской стадии которой обнаруживаются аналогии керамике “тэбахского типа” [Дерюгин, 1998]. Сосуды токаревской культуры с о-ва Спафарьева, отнесенные В.А. Дерюгиным к керамике типа эноура-В, датированы более ранним временем (II в. до н.э. – II в. н.э.) по сравнению с периодом существования данного типа керамики в устье Амура (VI – VII вв.). Поэтому предположение о влиянии носителей культуры, к которой относится комплекс Тэбах, на токаревскую культуру пока неоправданно. В каменном инвентаре последней можно отметить древние традиции, имеющие южные истоки и тяготеющие к Прибайкалью и Приамурью. Появление этих традиций связано с интенсивным продвижением древних племен вдоль Охотского побережья к северу от нижнего Амура, которое, вероятно, начинается уже во II тыс. до н.э. и особенно усиливается в I тыс. до н.э.

Важно также отметить, что первоначальное формирование северо-восточных палеоазиатов, к которым относятся предки коряков, произошло в процессе интеграции различных компонентов при доминировании южных (тихоокеанских) [Васильевский, 1998].

В верховьях Колымы и континентальном Приохотье выявлены археологические памятники, относящиеся к раннему, среднему и позднему неолиту [Слободин, 1999]. Наряду со сходством колымского каменного инвентаря с материалами Прибайкалья, Амура, Якутии и Чукотки отмечаются и существенные различия как по отдельным изделиям, так и по комплексам в целом.

Что касается предполагаемого некоторыми исследователями влияния более северных внутриконтинентальных культур на культуры Охотского побережья, то убедительных свидетельств этому пока не нашлось [Лебединцев, 1990, 1999; Слободин, 2001].

Типологическая близость некоторых каменных орудий со стоянок Западной Чукотки с материалами токаревской культуры не может свидетельствовать о выходе неолитического населения Чукотки к Охот-

скому побережью, как полагает М.А. Кирьяк [Kirjak, 1994]. Также нет оснований для утверждения о влиянии ымыяхтахской культуры на приморские Охотского моря [Федосеева, 1980] и о расселении усть-милцев Якутии к востоку от Колымы вплоть до устья р. Пенжина [Археологические памятники..., 1983, 1991].

Раньше оппоненты в своих доводах относительно влияния ымыяхтахской культуры в Приохотье приводили в доказательство наличие на о-ве Завьялова наконечников с ромбовидным сечением, которые получились, скорее всего, в результате обработки заготовок плитчатых отдельностей с сечением, близким к ромбовидному, тогда как самыми характерными для ымыяхтахской культуры типами орудий являются напильниковидные (трехгранные) наконечники стрел, прямоугольные вкладыши, многофасеточные резцы.

Типично корякские гладкостенные керамические сосуды со стоянки Зеленый Мыс в устье р. Пенжина, а также керамика с корякских памятников Кулка и Кавран на Камчатке почему-то относятся к усть-милской культуре [Эртюков, 1990, 1992]. При этом игнорируется остальной материал стоянок [Иохельсон, 1930; Васильевский, 1971] и не учитывается огромный хронологический разрыв между усть-милской культурой и этими поздними памятниками [Кренке, Сулержицкий, Плихт, 2002].

Недавно М.А. Кирьяк [2000] на основе керамики с Охотского побережья попыталась снова выявить следы влияния северных внутриконтинентальных соседей на приохотские культуры, сделав при этом ряд ошибочных выводов, что связано, по-видимому, с плохим знанием материалов из Северо-Западного Приохотья и Приамурья. В частности, по ее мнению, носители токаревской культуры восприняли кругло-и остродонную керамику с вафельным штампом, а также с налипными валиками от ымыяхтахцев и усть-милцев Якутии.

Исследования стоянок токаревской культуры показали, что плоскостенная керамика самая древняя на Охотском побережье и может датироваться II в. до н.э. – II в. н.э. Остродонные глиняные сосуды с ложнотекстильным орнаментом появляются на завьяловской стадии древнекорякской культуры в V – VIII вв. н.э. Круглодонная ложнотекстильная керамика широко распространяется на богурчанской стадии – около X в. н.э. [Васильевский, 1971].

Остродонные сосуды со стоянок Токарева и Онацевича II гладкостенные, очень маленького размера и, скорее всего, относятся к началу I тыс. н.э. Каких-либо аналогов в северных внутриконтинентальных культурах не обнаружено.

Небольшой фрагмент ложнотекстильной керамики с Ольского поселения, скорее всего, относится к древнекорякской культуре, т.к. на этом памятнике

в подперновом слое найдены древнекоряжские орудия (наконечники гарпунов, ложила), которые можно датировать атарганским временем, т.е. не ранее X в. н.э.

Керамика с ложнотекстильным орнаментом существует в древнекоряжской культуре в V – VIII вв. н.э. Происхождение этой орнаментации, вероятнее всего, связано с мохэсской культурой, датируемой IV – VIII вв. н.э. Предположение о том, что от ымыяхтахцев или усть-мильцев могла быть воспринята приморскими культурами Охотоморья кругло- и остродонная керамика с вафельным штампом, сомнительно. Это подтверждают также технико-технологические и морфологические особенности древнекоряжской керамики [Понкратова, 2000].

Налепные валики в древнекоряжской культуре появляются в завьяловский период (V – VIII вв. н.э.). Керамика с валиками, которая во многом близка нижнеамурской, найдена на стоянках раннего железного века Охотского побережья к югу от р. Кухтуй. Вероятнее всего, источником этой традиции в оформлении глиняных сосудов были древние культуры Приамурья и Приморья, а не усть-мильская, которая сама испытывала влияния сопредельных культур с юга [Эртюков, 1990]. К тому же следует отметить, что подобной керамики не обнаружено в континентальном Приохотье – ближайшем регионе к Охотскому побережью.

Попытка А.А. Орехова [2001б] определить токаревскую культуру как северный вариант более поздней охотской, существовавшей, по современным данным, с V в. н.э., выглядит крайне нелогично [Лебединцев, 2002]. На основе токаревской культуры в первой половине I тыс. н.э. формируется древнекоряжская. Об этом свидетельствует наличие коряжского материала в подперновом слое на токаревских поселениях Ольское и Спафарьева, технологическая преемственность в каменном и костяном инвентаре. В то же время появление круглодонной керамики в древнекоряжской культуре на Охотском побережье связывается с приходом в конце I тыс. до н.э. континентальной группы населения [Васильевский, 1971]. Отмечаются различия (технико-технологические, морфологические, орнаментальные) токаревской и древнекоряжской керамики, однако это не дает оснований полностью отрицать участие токаревской культуры в формировании древнекоряжской [Понкратова, 2000].

Процесс образования приморских культур Охотоморья является довольно сложным, и необходимы дальнейшие исследования в этом направлении. По своему происхождению культуры Северного Приохотья связаны с тихоокеанской культурной общностью. Вероятно, в прошлом существовала циркумохотская культурная общность, имеющая глубокие связи с сопредельными культурами азиатского побережья и ос-

тровов северо-западной части Тихого океана и Северной Америки [Лебединцев, 2001].

На Камчатке в V – I тыс. до н.э. существовала тарьинская культура. Н.Н. Диков [1979; История Дальнего Востока..., 1989] датировал ее II тыс. – серединой I тыс. до н.э. Т.М. Дикова [1983] объединяла все памятники Южной Камчатки с V тыс. до н.э. до середины XVII в. н.э. в единую тарьинскую культуру, выделяя три периода: ранний, средний и поздний. Уже на ранних этапах тарьинцы занимались морским зверобойным промыслом.

А.В. Пташинский [2001] полагает, что тарьинская культура имеет южные истоки и относится к кругу специализированных неолитических приморских культур, изначально не имевших ничего общего с предками ительменов. А.К. Пономаренко [2000] относит стоянки периода V тыс. – I тыс. до н.э. к тарьинскому этапу древнеительменской культуры. Тарьинские памятники распространены на Камчатке от м. Лопатка до долины р. Камчатки. А.К. Пономаренко также считает, что материалы древнеительменских стоянок I тыс. н.э. Западной и Северной Камчатки свидетельствуют о генетических связях обитателей этих стоянок с тарьинцами. Однако, по его мнению [Там же], проблема происхождения древнеительменской этнической общности сложна и едва ли разрешима на нынешнем этапе исследований. Существует хронологический разрыв между раннеолитическими и тарьинскими памятниками.

На основе тарьинской с I тыс. н.э. развивается древнеительменская культура [Пономаренко, 1985, 2000], в которой уже были специализированные орудия морского промысла – наконечники гарпунов. Вывод А.А. Орехова [2001б], что древнеительменскую культуру нельзя отнести к приморским, в корне неверен. На северо-западном побережье Камчатки выделяется культура или памятники типа Теви [Пташинский, 1996, 2002]. Древние приморские стоянки в этом районе изучены пока довольно слабо [Лебединцев, 1999]. Высказываются различные точки зрения на их культурную принадлежность [Пташинский, 2002; Пономаренко, 2000]. Возможно, памятники типа Теви представляют один из локальных вариантов древнекоряжской культуры I тыс. н.э. на Камчатке. Следует отметить, что Северная Камчатка, несомненно, была местом оживленных культурных контактов между древним населением Камчатки, Северного Приохотья и Чукотки [Пономаренко, 1991], и это не могло не отразиться на материалах стоянок, изучение которых требует особого внимания и тщательности.

В заключение подчеркнем сложность проблемы происхождения приморских культур Севера Дальнего Востока и необходимость целенаправленных исследований по этой тематике.

Список литературы

- Александров А.В., Арутюнов С.А., Бродянский Д.Л.** Палеометалл северо-западной части Тихого океана. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. – 104 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов: (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – 205 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Археологические памятники Якутии:** Бассейны Алдана и Олекмы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.
- Археологические памятники Якутии:** Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 250 с.
- Васильевский Р.С.** О проблеме этногенеза северо-восточных палеоазиатов и эскимосов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 219 – 225.
- Васильевский Р.С.** Генезис и взаимодействие культур Северной Пацифики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 31 – 38.
- Воробей И.Е.** Неолитическая стоянка у села Гижига // Древние памятники Севера Дальнего Востока: Новые материалы и исследования СВАКАЭ). – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 123 – 136.
- Герасимов Д.В., Гирия Е.Ю., Питулько В.В., Тихонов А.Н.** Новые материалы к интерпретации стоянки Чертов Овраг на о. Врангеля // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 379 – 383.
- Гусев С.В.** Археологический аспект истории заселения Берингии // Каталог предметов материальной и духовной культуры чукчей и эскимосов Чукотского полуострова из собрания Провиденского музея. – Анкоридж; Провидения: Б.и., 1999. – С. 14 – 19.
- Гусев С.В.** Приморская адаптация на Чукотском полуострове // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 71 – 78.
- Гусев С.В.** Шаманский комплекс с о. Идлидья // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 441 – 446.
- Деревянко А.П.** Приамурье: I тыс. до н.э. – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.
- Деревянко А.П.** Польцевская культура на Амуре. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 67 с.
- Дерюгин В.А.** Керамика “тэбахского типа”: предварительная классификация и периодизация // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 71 – 80.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Камчатки и Чукотки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1971. – 48 с.
- Диков Н.Н.** Основные контуры этнической истории Северо-Восточной Сибири в свете археологических данных // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Всесоюз. конф. – Новосибирск, 1973. – С. 31 – 33.
- Диков Н.Н.** Чинийский могильник: (К истории морских зверобоев Берингова пролива). – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 391 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Дикова Т.М.** Новые данные к характеристике Канчаланской стоянки // История и культура народов Северо-Востока СССР. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1964. – С. 41 – 53.
- Дикова Т.М.** Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 232 с.
- Днепровский К.А.** Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пуука (по материалам археологического комплекса Эквен): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 27 с.
- Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мильникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.
- Зубов А.А., Лебединская Г.В.** Реконструкция внешнего облика людей по черепам, найденным во время археологических работ на Камчатке и Чукотке // Новое в археологии Севера Дальнего Востока (материалы СВАКАЭ). – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 126 – 142.
- Иохельсон В.И.** Археологические исследования на Камчатке // Изв. Гос. рус. геогр. об-ва. – 1930. – Т. 62, вып. 3. – С. 199 – 242; вып. 4. – С. 346 – 384.
- История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века.** – М.: Наука, 1989. – 375 с.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней.** – М.: Мысль, 1989. – 492 с.
- Кирьяк (Дикова) М.А.** Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник: (Каменный век). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – 288 с.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., Плихт Г.** Исследования в долине реки Ковран на северо-западе Камчатки и разработка радиоуглеродной хронологической шкалы // Северный археологический конгресс: Тез. докл. 9 – 14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 295 – 296.
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.
- Лебединцев А.И.** Проблемы археологии Северо-Востока России // Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения: Материалы Регион. науч. конф. “Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее”. Магадан, 31 марта – 2 апреля 1998 г. – Магадан: ОАО “Северовостокзолото”, 1998. – С. 160 – 166.
- Лебединцев А.И.** Становление и развитие приморского хозяйства в Северном Приохотье и на Камчатке // История, археология и этнография Северо-Востока России. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 42 – 69.
- Лебединцев А.И.** Происхождение древних приморских культур в Северном Приохотье // Человек в прибрежной зоне: опыт веков: Материалы Междунар. науч. конф.

(г. Петропавловск-Камчатский, 18 – 20 сентября 2001 г.). – Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского гос. пед. ун-та, 2001. – С. 92 – 94.

Лебединцев А.И. К дискуссии о выделении токаревской культуры // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 388 – 393.

Лебединцев А.И., Слободин С.Б., Реймерс А.Н. Находки на побережье заливов Малкачанский, Бабушкина и Дукче // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – С. 19 – 34.

Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. – М.: Наука, 1983. – 130 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Орехов А.А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. – М.: Наука, 1987. – 174 с.

Орехов А.А. Древнее поселение Русская Кошка I на побережье Анадырского лимана // Древние культуры Дальнего Востока СССР: (Археологический поиск). – Владивосток, 1989. – С. 25 – 29. – (Препр. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР).

Орехов А.А. Археологические комплексы оз. Красное (Восточная Чукотка) // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001а. – С. 58 – 64.

Орехов А.А. Северная Пасифика в голоцене (проблемы приморской адаптации): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2001б. – 48 с.

Орехов А.А. Канчаланская приморская культура Восточной Чукотки // Северный археологический конгресс. 9 – 27 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск: Тез. докл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 31 – 33.

Питулько В.В. Морские адаптации на Северо-Востоке Азии // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 64 – 71.

Понкратова И.Ю. Гончарство Северо-Востока Азии (как культурно-историческое явление): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2000. – 24 с.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. – М.: Наука, 1985. – 216 с.

Пономаренко А.К. Археологические памятники долины реки Тигиль и ее притоков – рек Напана и Кульки // Краеведческие записки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1991. – Вып. 7. – С. 16 – 44.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 2000. – 312 с.

Пташинский А.В. Культура Тэви – новая приморская культура Северо-Восточного Приохотья // Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. “Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему”. – Владивосток, 1996. – С. 99.

Пташинский А.В. Некоторые проблемы археологии и этногенетических реконструкций на Камчатке // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 111 – 114.

Пташинский А.В. Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I – II тыс. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 23 с.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. – 132 с.

Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 234 с.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Теин Т.С. Археологические исследования на о. Врангеля // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока (по данным СВАКАЭ). – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 53 – 63.

Теин Т.С. Тайна Чертова оврага. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 94 с.

Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы в Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура бронзового века и ее роль в древней истории Якутии // Археологические исследования Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 144 – 160.

Kirjak M.A. The adaptation of ancient population in interior of West and Central Chukotka (by author's materials) // Bridges of the Science Between North America and the Russian Far East: Abstracts. – Vladivostok: Dalnauka, 1994. – Bk. 2. – P. 146.

Lebedintsev A.I. Early Maritime Cultures of Northwestern Priokhot'e. – Anchorage: S.n., 2000. – 288 p.

Материал поступил в редколлегию 14.10.02 г.

Ю.Е. Березкин

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
 Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
 E-mail: berezkin@peterlink.ru

ЮЖНОСИБИРСКО-СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ МИФОЛОГИИ*

Сто лет назад в процессе подготовки Джесуповской экспедиции и осмысления ее результатов Ф. Боас пришел к выводу, что фольклорные сюжеты относительно эфемерны, состоят из “элементов” (мотивов), имеющих кросс-культурное распространение и свободно преодолевающих языковые границы [Boas, 1891, p. 20; 1896, p. 9; 1916, p. 878; 1928, p. 149 – 150; 1940, p. 290 – 294, 312 – 315, 331 – 343, 437 – 490]. Мотивы, по мнению Ф. Боаса, сохраняют свою форму продолжительное время, тогда как трактовка целостных текстов меняется сравнительно быстро. Многочисленность одинаковых мотивов в разных традициях может свидетельствовать о контактах между этими традициями. Стремясь к достоверности выводов, Ф. Боас анализировал лишь мотивы, имеющие сплошные ареалы, поскольку при разрывах повышается вероятность независимого возникновения мотивов. Нам это ограничение не кажется необходимым. Предположение о неслучайности совпадений учитывает не только целостность ареалов, но и уникальность мотивов, степень их сложности, нейтральность по отношению к природным и социальным факторам, совпадение ареалов многих мотивов. Наличие общих элементов как в географически удаленных друг от друга, так и в соседних традициях логично объяснить

одинаковыми причинами – заимствованием мотивов одной группой от другой. Но поскольку есть уверенность, что в недавнюю эпоху обитатели удаленных друг от друга регионов не составляли культурной общности, время предполагаемого единства должно быть отодвинуто в прошлое. Какое именно – это может подсказать только археология.

Среди тысячи прослеженных мотивов нам удалось выявить две группы, специфичные для фольклора Евразии и Северной Америки. Одна из них связывает Западную Сибирь с притихоокеанскими областями севера Азии и северо-запада Северной Америки. О ней речь должна пойти в отдельной статье. Вторая группа представлена в центральных районах Евразии (в частности, в Южной Сибири) и Америке к востоку от Скалистых Гор. Ее мы намерены рассмотреть сейчас. Знакомство с южно-американскими, японскими, меланезийскими и австралийскими материалами поддерживает уверенность в том, что параллели в них не являются результатом произвольной выборки и не просто фиксируются в определенных регионах, а специфичны только для них. Уникальность южносибирско-североамериканских аналогий повышает вероятность их исторической обусловленности. Ниже мы рассмотрим девять мотивов второй группы.

Змей угрожает птенцам. Водное чудовище поедает или калечит птенцов гигантской могучей птицы. Птицы бессильны перед чудовищем, но человек убивает его. *Птицы, несущие бурю.* Огромная птица несет с собой тучи, дождь, снег и т.п. В Америке и реже в Евразии самец и самка приносят разные виды осадков, а птенцы предупреждают об этом героя, попавшего к ним в гнездо.

Первый мотив представлен на севере Великих Равнин у ассинибойн, кроу, хидатса и арикара [Beckwith, 1938, № 7, p. 92 – 94; Lowie, 1909a, № 25,

* Каталог мифологических мотивов, который послужил базой данных работы, подготовлен при поддержке IREX (1992 – 1993), Smithsonian Institution (1992), РФНФ (грант 97-00-00085), Dumbarton Oaks Libraries and Collections (2000). Резюме к более 25 тыс. фольклорно-мифологических текстов составлены на основе 2,5 тыс. публикаций на восьми европейских языках. Объектом исследования являются встречающиеся в текстах наборы мотивов. Под мотивом понимается любой эпизод или образ или комбинация эпизодов и образов, которые обнаружены в двух разных текстах или более.